

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.И. Яковлев *

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК РЕФОРМА СИСТЕМЫ

В начале XXI в. мировая система переживает кризис, обусловленный исчерпанностью той социально-экономической и культурной модели развития, которая определяла облик западной цивилизации и служила ориентиром для стран Востока в эпоху Модерна. Неотложной задачей в «постсовременном» мире становится модернизация — формирование в странах Востока и Запада новой модели общественной системы, инкорпорирующей элементы их традиционного культурного наследия. В статье рассмотрены истоки и эволюция индустриального общества, основные проявления его системного кризиса, обозначены контуры новой модели развития и различные варианты использования реформ для проведения модернизации. Особое внимание уделено оценке роли глобализации и культуры в этом процессе.

Ключевые слова: кризис, модернизация, традиция, экономика, система ценностей, глобализация, культура.

The beginning of the XXI century is marked by a severe crisis of the world system. The crisis stems from the unsustainability of the model of socio-economic and cultural development that determined the historical path of Western civilization and served as a reference for the Orient in the Modern Era. Here comes the need for modernization conceived as a development of the new model of the social system — both in the West and in the Orient — that incorporates the elements of their traditional cultural heritage. The article examines the foundations and evolution of industrial society and the key dimensions of its systemic crisis, envisages the structure of a new system and the various strategies of implementing reforms in the quest for modernization. It also provides a nuanced assessment of the role that globalization and culture can play in post-modern modernization.

Keywords: crisis, modernization, tradition, economy, system of values, globalization, culture.

В последнее время в научном сообществе вновь стали употреблять понятие *модернизация*, основательно забытое после его активного использования в 1970—1980-х гг. При этом под модер-

* Яковлев Александр Иванович, д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник отдела сравнительно-теоретических исследований Института востоковедения РАН (e-mail: aliv_yak@mtu-net.ru).

низацией понимается не *улучшение*, а совершение обществом качественного скачка к новому уровню развития.

Востребованность данного понятия вполне обоснованна. В ходе эволюции любого общества наступает этап, когда его потенциал оказывается в значительной степени исчерпанным, а возможности для дальнейшего совершенствования, ответа на вызовы лидеров мирового развития — существенно ограниченными. Это кризис данной общественной системы. Таким был кризис феодального общества накануне трансформации в капиталистическое, индустриальное, буржуазное. Таков переживаемый Россией на современном этапе кризис незавершенности перехода к постиндустриальному развитию, а во многих странах Востока — незавершенности индустриального переворота.

Однако кризисным можно считать состояние и всего современного общества западной модели. Господствующая в мире социально-экономическая система еще сильна, еще сохраняет свое лидирующее значение и притягательный образ, высокие уровень и качество жизни, но главные параметры данной модели уже исчерпаны, а ресурсные возможности стремительно сокращаются. На современные вызовы господствующая система не может найти достойные ответы, позволяющие сохранять лидирующую роль в мире. В этих условиях возникают проблемы обретения *иной модели* развития и поиска *путей перехода* к ней.

К началу XXI в. сформировались некоторые параметры новой модели, и в литературе констатировано обретение некогда (пока еще) индустриальным, капиталистическим, буржуазным обществом нового качества по многим показателям — экономическим, технологическим, социальным, политическим и культурным. Но задачей западного общества становится не просто смена экономической или технологической системы, а выбор *цели и пути развития*, понятие «модернизация» обретает поистине революционное содержание — смены ориентиров и внутреннего переустройства существующей системы. В связи с этим особое значение приобретают проблемы *переходности* — как свойств *особой переходной эпохи*, так и *механизма перехода* общества из одного качества в другое.

Столь же важна и трудна эта проблема для многоукладного восточного общества, в котором западная модель служит образцом для подражания и в котором все еще сочетаются разнопорядковые цели и тенденции развития. Причем если ранее для восточных обществ понятие «модернизация» сохраняло свое привычное значение следования вслед за Западом (догоняющий тип развития), то в связи с кризисом этой модели возникает проблема выработки собственной, основанной на своих целях и задачах развития.

Для рассмотрения обозначенных проблем переходности обратимся к истокам формирования господствовавшей в XX в. в мире модели современного индустриального, капиталистического общества [29].

1

Общество можно уподобить организму («общественно-производственный организм» по К. Марксу), который формируется и живет как целостная органическая система и развивается по собственным законам, переживая в ходе этого развития периоды перехода в новое состояние.

Современная господствующая общественная система возникла, по меркам всемирной истории, относительно недавно — около 200 лет назад. Она сформировалась на определенной территории, и в основе ее заложены природные, экономические, исторические и цивилизационные начала западноевропейских народов.

«Любой строй общества не случаен, а представляет собой результат многовекового приспособления людей к среде и друг к другу, итог многовековых усилий, поисков и попыток найти наилучшие возможные формы общественной организации и жизни, — писал П.А. Сорокин. — В любой установившейся социальной организации, как бы несовершенна она ни была с точки зрения дилетантского радикализма, всегда сконденсирован огромный реальный (а не фиктивный) опыт народа, бесчисленные поиски, усилия и эксперименты многих поколений, направленные на то, чтобы найти наилучшие формы, возможные при данных конкретных условиях. Только невежда или фантазер может думать, что этот строй, устанавливавшийся и существовавший веками, представляет собой сплошной абсурд, сплошное недоразумение, сплошную ошибку» [21, с. 394—395].

Принципиально важно отметить, что системообразующим фактором западного капиталистического общества был фактор экономический, подавлявший или умалявший иные естественно присутствующие ему факторы. Экономика стала все больше определять весь ход его развития, весь строй его внутренней жизни, а принцип экономического детерминизма стал господствовать в общественном сознании.

В истории прослеживаются два типа (механизма) перехода общества из одной формации в другую: *реформа* и *революция*. Помимо чистых форм этих типов можно привести примеры смешанных форм перехода, с размытыми чертами, элементами революционными и реформистскими. Однако, так или иначе, общество решает объективно возникшую задачу модернизации — выхода из систем-

ного кризиса путем приспособления к изменившимся внутренним и внешним условиям жизни, ориентируясь при этом в качестве образца для подражания на более сильное и богатое общество. Так, в XVII—XVIII вв. Великобритания использовала опыт Нидерландов, а в XIX—XX вв. США — опыт Великобритании [3].

Если же задача модернизации не решается, то определенная социально-экономическая система слабеет и исчезает в результате внутренних конфликтов и воздействия внешних сил. Такого рода кризис в XVI—XVII вв. не смогли преодолеть Испания и Португалия, утратившие свой потенциал мировых лидеров, а в начале XX в. в Китае отказ императорской власти от разрешения кризиса национального масштаба едва не привел к распаду государства.

Очевидно, что по мере истощения определенной общественной системой своего потенциала проявления кризиса национального масштаба, как и появление элементов нового строя, становятся видны в сферах производства и финансов, в военной сфере и сфере культуры. На этом этапе, теоретически, общество должно распознать проявления кризиса и регулировать свое развитие в русле перетекания из одного формационного состояния в другое. Однако самому обществу это осуществить невозможно, так как слишком разнятся интересы различных социальных групп, что препятствует совместной и целенаправленной деятельности. Такую работу в состоянии провести лишь *государство*. В то же время нет оснований утверждать, что власть готова добровольно проводить кардинальные перемены. Любая устоявшаяся власть инерционна в своих намерениях и действиях. Лишь серьезная угроза ее самосохранению в виде кризиса национального масштаба может подвигнуть ее на попытку смены общественной системы. Очевидно также, что сама власть не помышляет о замене старого строя новым, но искренне желает и надеется лишь на небольшую модификацию, выборочную адаптацию отдельных элементов старой системы к изменившимся условиям. Следует согласиться с мнением М. Фридмана: «только кризис (реальный или воображаемый) вызывает настоящие перемены» [25, с. 19].

Модель современного капиталистического общества возникла в двух западноевропейских странах в результате революции. Государство в лице королевской власти оказалось неспособным регулировать процесс переходности. Лишь после Великих революций в Великобритании и Франции, заложивших *системообразующие основы* современной западной модели, уже новая власть продолжила формирование общественной системы путем проведения целенаправленных и последовательных реформ.

П.А. Сорокин в связи с этим отмечал, что «общество, не умеющее жить, не способное своевременно производить целесообраз-

ные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов... Только заплатив эту дань, оно, если не погибает совершенно, получает некоторую возможность существовать и жить дальше, но не путем полного отрыва от своего прошлого и не путем зверской взаимной борьбы, а, напротив, путем обратного возвращения к большей части своих прежних устоев, институтов и традиций (только абсолютно изжитые из последних погибают), путем мирной работы... Если общество не способно вступить на этот путь — революция кончается его окончательным декадансом и гибелью...» [21, с. 396].

Кризис системы открывает возможность выбора: продолжать развитие общества по старому образцу (инерционный путь) или избрать иную модель (модернизация), используя элементы нового строя, зародившиеся в отживающем общественно-производственном организме в экономической, технической и социальной сферах, в политике, культуре, военном деле и быту. Существование новой общественной системы в странах «первого эшелона капитализма» на Западе открывало для старых систем тем более широкие возможности заимствования ее элементов.

В XIX в. в странах «второго эшелона капитализма» — Германии, России, Италии, Японии — власть уже могла ориентироваться на образец новой системы, устраняя элементы революционности или смягчая их, не отрываясь полностью от прошлого и избегая «зверской взаимной борьбы» (в России, однако, незавершенность капиталистической модернизации в XIX в. и неготовность власти к ее завершению стали одними из причин, помимо политики и идеологии, приведших к революционному процессу формирования современного индустриального общества, затянувшегося до середины XX в).

Подобным образом страны «третьего эшелона капитализма» — страны Востока — смогли осуществить переход в новое формационное состояние путем модернизации — проведения *реформы системы*. Результатом таких реформ в XX в. стало успешное развитие многих стран Востока как по технико-экономическим показателям, так и по политическим, социальным и культурным, что позволяет причислять их к типу современного общества при сохранении ими цивилизационной самобытности.

Следует, однако, подчеркнуть, что наличие *возможности* не означает обязательности ее осуществления. Для того чтобы использовать уже существующую модель современного общества, необходимы субъект модернизации (государство, лидер-реформатор) и определенный набор условий, внутренних и внешних факторов (план преобразований, внутренняя сплоченность власти, финансовые ресурсы, социальная опора в обществе, послушная

бюрократия, уважение к Традиции, содействие или нейтралитет внешнего фактора).

Например, в странах Ближнего и Среднего Востока в начале XIX в. были предприняты попытки серьезных преобразований. Правитель Египта Мухаммед Али и султаны Османской империи Селим III и Махмуд II начали проведение военной реформы для ликвидации отставания египетской и османской армий от уровня европейских вооруженных сил. Их *«реформы внутри системы»* способствовали повышению боеспособности армий, но не помогли преодолеть кризис национального масштаба — общее отставание от уровня европейских стран по экономическим, социальным и культурным показателям, ставшее очевидным по мере расширения контактов с Западом. Попытки «частичных реформ» — качественные изменения в сфере промышленности (строительство нескольких заводов) или культуры (создание нескольких учебных заведений европейского типа или издание газет) также принципиально не меняли старую систему, а значит, не давали возможности выйти из состояния кризиса национального масштаба.

Обретение системой нового качества становится возможным при отказе от старых системообразующих элементов и их замене новыми. Такими новыми элементами для современного индустриального буржуазного общества стали *главенство закона, принципа частной собственности и демократизация общественной жизни, преобладающее значение промышленности в экономике, ликвидация сословности и возрастание социальной мобильности.*

На Востоке в XIX в. лишь одна страна — Япония — сумела в полной мере воспользоваться благоприятным сочетанием внутренних и внешних факторов и в максимально возможной степени реализовала заимствованную модель капиталистической формации. «Революция Мэйдзи» означала постепенный демонтаж старой общественной системы и замену ее новой. Конечно, японская «революция сверху» при этом не создала «копию» западной модели современного общества, и не могла создать в силу иной *цивилизационной основы, иных традиций, систем ценностей и мировоззрения.*

В XX в. страны Запада естественно оказались в авангарде мирового развития благодаря их очевидному господству в мировом хозяйстве и мировой политике. Поэтому и западная модель современного общества приобрела значение *нормативной модели, обязательного образца для подражания.*

Этой модели *индустриальной формации* следовали с разной степенью успеха и в восточных странах, и в СССР, несмотря на очевидные цивилизационные различия. Следствием этого стало широкое распространение отождествления модернизации с индустриализацией со сменой технологий в промышленности, что составляет лишь *«реформу внутри системы».*

Примерами успешной модернизации по западной модели можно назвать проведенную «реформу системы» в таких глубоко традиционных и отсталых обществах, как Тайвань и Южная Корея, Саудовская Аравия и Кувейт. По всем основным социально-экономическим параметрам в этих странах была сформирована новая капиталистическая общественная система, индустриальная формация, буржуазное общество, при этом были сохранены системообразующие элементы собственной цивилизации. Таким образом, стало очевидным, что модернизация означает не полную *вестернизацию* незападного общества, а лишь выборочное усвоение им отдельных элементов европейской культуры.

Общество — *общественно-производственный организм* — развивается органично и естественно по своим законам, переживая различные кризисные состояния в сферах экономики, политики, культуры. Если эти кризисы не затрагивают системообразующих основ, их можно разрешать частичными преобразованиями, «реформами внутри системы». Такие преобразования осуществил, например, президент США Ф.Д. Рузвельт в 1930-х гг. для выхода американской экономики из глубокого кризиса, а президенты Дж. Кеннеди, Л. Джонсон и Р. Никсон — в 1960—1970-х гг. для решения острых социальных проблем.

Следует отметить, что именно в силу органической целостности общества в нем сохраняют свое значение и нематериальные факторы развития, даже если они оттеснены в сознании людей на задний план. Например, во второй половине XX в. в СССР идеологической составляющей процесса развития была идея построения справедливого *коммунистического общества*, а в США — справедливого *общества равных возможностей*. Но не только идеология влияет на общественное развитие. Человек — существо духовное, и на его поведение оказывают значительное влияние настроения, мечтания, воспоминания, различные идеалистические конструкции, основывающиеся на результатах цивилизационной (отчасти — национальной) самоидентификации индивида и общества.

2

О завершении капиталистической эпохи, *эпохи Модерна*, на Западе заговорили еще в 1980-е гг. Были высказаны различные взгляды на перспективы развития западного общества с учетом имеющегося исторического наследия и анализа возникавших элементов очевидно новой общественной системы, обладавшей иными качествами, нежели индустриальная формация. В конце XX — начале XXI в. проявления этого процесса становились все более яркими и многочисленными. Каковы основания для постановки вопроса о *кризисе современной системы*?

Прежде всего, следует отметить «девальвацию» ее основного принципа — *принципа прибыли* как основы накопления капитала, что еще недавно считалось очевидной и самодостаточной целью для современного индустриального общества. И. Валлерстайн в своих лекциях в ноябре 2004 г. отмечал: «сегодня прибыль в глобальном масштабе снижается и тем самым затрудняет способность к постоянному и значимому накоплению капитала. Это в свою очередь разрушает *raison d'être* капиталистической системы и ведет к структурному кризису, переживаемому сегодня» [7, с. 37].

Явным показателем кризиса стали антисистемные явления в 1968 г. на европейском континенте (революционные выступления во Франции против капиталистического типа современного общества; в СССР, Чехословакии и других социалистических странах — против коммунистического типа).

Происходит поляризация в социальной сфере. И на Западе, и на Востоке возрастает степень концентрации бедности и богатства. Попытка политической и корпоративной элиты США в начале XXI в. выйти из назревающего системного кризиса с помощью «капитализма катастроф» (Н. Кляйн) оказалась малоуспешной.

Произошло переосмысление основ самой капиталистической системы, в которой, по мнению Дж.Р. Сола, «современной “святой троицей” является организация, технология и информация» [20, с. 34]. Достаточно назвать книгу П. Кругмана «Великая ложь» (2003), в которой он анализирует кризисное состояние американской экономики и американского общества, а неутомимый борец за традиционные ценности американского общества П.Дж. Бьюкенен в книге «На краю гибели» (2006) призывает к отказу от либерализма — идеологии, на которой выросло современное общество.

Изменились положение и роль Запада в современном мире. Капиталистическая система сформировалась в ходе исторического развития стран «первого эшелона капитализма» (Англии и Франции) как система «метрополия—колония», причем при очевидном неравноправии отношений двух сторон их взаимозависимость была довольно значительной. В середине XX в. произошел «бунт против Запада» (Дж. Арриги). В ходе национально-освободительных революций и формирования самостоятельных национальных хозяйств в странах Востока система «метрополия—колония» была сломана. Попытки ее воспроизведения на новом витке научно-технического развития в условиях глобализации оказались не столь значительны и выгодны для Запада, как было ранее. Более того, пересматриваются такие ранее видевшиеся очевидными принципы существования мир-системы, как «ядро—периферия», а западные культура и система ценностей, предлагаемые (или на-

саждаемые) в «нецивилизованных зонах», просто отвергаются. Превращение Востока в активный субъект мировой политики, отмеченное в 1960-е гг. А. Тойнби, сейчас стало полной очевидностью. Он писал: «отвечая на наш Вызов <...> Индия и Китай, вероятно, окажут значительно более глубокое воздействие на нашу западную жизнь, нежели то, на которое может претендовать Россия с ее коммунизмом, <...> еретической западной религией» [23, с. 405]. Через несколько десятилетий эта мысль стала очевидной для многих. «Если Европа — это прошлое, Соединенные Штаты — настоящее, то Азия во главе с Китаем — это будущее мировой экономики», — решительно заявил в 2003 г. М. Вульф в *Financial Times* (22.09.2003).

Если часть системы кардинально меняется и меняет отношения внутри системы, это явное свидетельство ее приближения к пределу своего существования. Однако не все с этим согласны. Например, в 2008 г. бывший заместитель министра торговли США Р. Шапиро без колебаний утверждал, что «только самые чрезвычайные и исторические события могут снизить военную и экономическую мощь США, не имеющую себе равных...» [28, с. 68]. А Л.Б. Алаев последовательно отрицает наличие системного кризиса на Западе, оптимистично утверждая в 2009 г.: «Западный мир идет вперед и тащит за собой весь остальной. Пока не видно, чтобы он надорвался» [27, с. 138]. Однако проблема не столько в степени исчерпанности потенциала западного общества, сколько в появлении в результате модернизации рядом с ним «восточного мира», с основанием претендующего на равноправие в качестве лидера и локомотива мирового развития.

Принцип историзма предполагает, что любое явление в мире имеет свое начало, развитие и завершение. Это, естественно, означает не уничтожение, но переход в новое качество.

Попытки объяснить текущий кризисный этап мирового развития с позиций длинных волн Кондратьева или стандартных циклов Жюгляра, несовершенства механизмов контроля над финансовыми институтами или возросшей нехваткой ресурсов не позволяют увидеть главное: современный мир вступил в период кризиса той системы, по законам которой живет его авангардная, самая богатая и сильная часть. По словам С. Переслегина, «главным содержанием текущей исторической эпохи является кризис промышленной цивилизации. Этот кризис носит системный характер и **неизбежно** приведет к размонтированию современной индустриальной цивилизации» [17, с. 12].

Таким образом, на новом этапе мирового развития вновь становятся важными проблемы переходности, обретения миром нового качества.

Следует пояснить, что результатом мирового развития в XX в. путем модернизации по западной капиталистической модели стало возрастание не однородности мира, чего можно было теоретически ожидать, а напротив, его неоднородности в социально-экономическом отношении. Поэтому, если применительно к большинству стран Востока можно говорить о переходе к индустриальной формации, то в отношении стран «золотого миллиарда» и особенно авангарда этой группы — США следует обсуждать именно переход в новое, посткапиталистическое, постиндустриальное качество.

Уже сейчас можно отметить «родовые черты», качественные различия уходящей, *старой*, и идущей на смену *новой* общественных систем.

Для *старой* системы характерны: определяющая роль индустриальной техники в экономике, подчиненная роль труда по отношению к капиталу, главенствующая роль рыночных принципов и ведущая роль финансового капитала в общественной жизни; главенство демократических принципов в гражданском обществе, уважение к закону со стороны социального государства, исчезновение религиозного начала в жизни личности и общества, важная роль идеологии в общественной жизни, возможность в той или иной форме господства использовать ресурсный потенциал полу-современного или несовременного мира (стран Востока).

Для *новой* системы определяющими становятся: *высоконаучные технологии и информационные потоки в экономике, появление наемных работников-собственников (работники знаний, knowledge workers), сочетание рыночных принципов с принципами регулирования хозяйственной жизни, распад и атомизация общества, возрастание роли государства и значения силы в общественной жизни, важная роль культуры, возрождение интереса к религии, превращение стран Востока в самостоятельные субъекты мировой политики и экономики.*

Система современного индустриального общества (в двух видах — капиталистическом и социалистическом) сформировалась в XX в. во многом благодаря собственной объективной логике развития, присущей ей как явлению органического мира, а не механическому соединению различных элементов. Можно предположить, что и новая общественная система лишь отчасти будет поддаваться регулированию, реализуя свой естественно накопленный потенциал и имеющиеся возможности, вероятно, не повторяя буквально социалистический опыт СССР или капиталистический опыт США, а обретая свои собственные основы с учетом иных принципов.

Западная система, писал Дж. Арриги, «так изменила свой *modus operandi*, что прошлый опыт теперь бесполезен для понимания нынешних трансформаций. Еще важнее то, что значение исторического опыта западной системы государств уменьшилось, а значение прежней системы государств, имевших своим центром Китай, увеличилось». Таким образом, для Китая и Индии открывается возможность избрать «для себя и мира социально более справедливый и экологически более приемлемый путь развития, чем тот, которым шел к своему богатству Запад» [2, с. 20].

Экономика останется в основе развития общества как создание ценностей и обмен ими, но вероятно изменение *природы предпринимательства*. Оно уже сейчас охватывает намного более широкую сферу, чем производство материальных ценностей в XIX—XX вв., происходит размывание границ собственно экономической деятельности человека, которая переплетается с социальной, культурной, экологической. В настоящее время зачастую трудно провести границу между бизнесом и научным исследованием или подготовкой кадров.

Можно ожидать также изменения *цели развития бизнеса* и, следовательно, *его системы ценностей, его морали*. Протестантская этика, утверждал М. Вебер, сыграла важную роль в формировании капиталистического общества на Западе. Именно признание высшей ценности — Бога и ориентация на удовлетворение потребностей людей, дополняемые принципами личного доверия, уважения и ответственности, обеспечили быстрое и эффективное развитие нового строя. Но в дальнейшем идеология заменила религию, наступило господство принципов либерализма, замена вертикально ориентированной иерархической системы ценностей на горизонтальную систему, в которой все ценности уравнивались. С разрушением старых морально-этических основ бизнеса к началу XX в. связано возникновение новых целей его развития: обогащение, увеличение прибылей, производство ради производства. Аллен де Бенуа, обличая либерализм, писал: «Либерализм является антропологической системой даже в большей степени, чем социально-экономической <...> Его финальная цель — установить общество, которое будет только рынком <...> царством количества <...> Жители больше не являются гражданами, они являются потребителями» [4, с. 12, 13, 16].

К концу XX в. стал очевидным хищнический характер капиталистического строя, при котором собственно промышленное производство уступало лидерство спекулятивным финансовым операциям как основной форме обогащения. Производство ценностей в современном обществе имеет своей целью не столько удовлетворение потребностей людей, сколько удовлетворение их желаний, порождаемых самими производителями ради получения прибыли.

Вероятно, превращение прибыли из *цели производства* просто в его *результат*, возвращение доверия и ответственности в сфере бизнеса могут стать важным фактором кардинальных перемен. Это тем более очевидно в условиях новой *экономики знаний*, когда основу богатства составляют не столько помещения, оборудование и материальные ресурсы, сколько знания и информация. Таким образом, подлинной основой постиндустриальной экономики становится не только техника и технологии, капитал и организация производства, но и человек [19].

4

Каким образом можно использовать механизм реформ для проведения модернизации системы в условиях XXI в.?

Основное свойство модернизации — целенаправленность проводимых государством преобразований.

Объект модернизации — общество в пределах своих национально-государственных и культурных границ.

Основные цели — выход из системного кризиса (при сохранении устойчивой стабильности) и обретение обществом нового качества — конкурентоспособности и равноправия в системах мирового хозяйства и мировой политики.

Субъект модернизации — государство. Если в 1995 г. И. Валлерстайн уверенно писал, что «государство для всех своих граждан может сделать жизнь немного лучше (или немного хуже)», но в целом *«не является главной движущей силой прогресса»* [6, с. 9], то сегодня трудно признать безоговорочность утверждения об «отмирании государства-нации». Целенаправленные и энергичные действия западных и незападных государств в условиях финансового кризиса 2008—2009 гг. способствовали его смягчению и облегчению поисков выхода из него. Рассматривая перспективы развития стран БРИК, В. Давыдов отмечал ведущую стратегическую роль государства (при всех отступлениях в сторону экономической либерализации), причем эта роль «продолжается в рамках цивилизационно устойчивой традиции. И это — безусловно особое качество, которое внутреннее сближает “четверку”, выделяя ее на мировом фоне» [9, с. 136].

Основная характеристика модернизации — это комплексный процесс качественных преобразований во всех сферах жизни общества.

Отличие модернизации от революции при проведении коренных преобразований — опора на Традицию, уважение и использование системообразующих элементов определенной цивилизации, первый из которых — религия. «Отношение к религии определяет видение мира», — утверждал С. Хантингтон [26, с. 24].

Очевидно, назревает пересмотр одного из базовых элементов эпохи Модерна, естественной частью которой была активная нейтрализация, или «дисквалификация Традиции», уклонение от нее и пренебрежение ею. Между тем, В.Ю. Сухачев справедливо отмечал: «Память — вовсе не прошлое, которое можно уподобить компьютерной памяти <...> здесь срабатывает совершенно иной принцип: память конституируется событийным прошлым», которое определяет и передает «в настоящее то, без чего настоящее лишается поддержки <...> своего смысла». А без признания абсолютных ценностей, «без этой “вечности прошлого” становится невозможной генерация смысла, остаются лишь разрозненные, отталкивающие друг друга настоящие, бессмысленно сталкивающиеся между собой» [22, с. 247].

Но не противоречит ли верность Традиции и одной, вертикально ориентированной на *горнее*, системе ценностей задачам модернизации? Нет, если не сводить развитие исключительно к материальной сфере, к росту потребления. По словам патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в 2009 г. руководитель «одного мощного западноевропейского государства» вдруг сказал ему: «Мы не знаем, с чем нам теперь выходить к нашим избирателям. Жить лучше, чем мы сейчас живем, невозможно, потому что тогда не хватит ресурсов. Мы достигли такого материального уровня, когда существует полное благополучие. Но ведь партия, призывающая людей на выборы, не может стоять на месте, она же должна обращать к людям новые лозунги, новые призывы». Однако, замечает патриарх Кирилл, «человеческое благополучие, мироощущение человека определяется не только количеством денег в кармане или на банковском счете. А вот построение гармонической личности и гармонических отношений обязательно предполагает вместе с экономическим развитием также и развитие духовное» [16, с. 161].

Реформаторы должны учитывать реальное состояние общества как в его базовых, цивилизационных показателях, так и в актуальных проявлениях. При чрезмерном ускорении преобразований (внедрении базовых технологий и ценностных ориентиров современного общества), к которым социум не готов, и, тем самым, переходе властью социального/духовного «порога чувствительности» в ходе «упреждающих реформ» общество может отвергнуть модернизацию. Вместе с тем при вольном или невольном замедлении процесса обновления, к которому общество объективно готово, оно может отвергнуть власть, избрав не «запаздывающие реформы», а революцию.

Неизменно важную роль в процессе модернизации играет внешний фактор, под которым можно понимать как активность ведущих мировых держав и мощных ТНК, так и процесс глобали-

зации, лишь отчасти поддающийся контролю со стороны Запада и приводящий зачастую к неожиданным результатам.

Последовательность процесса модернизации неизменна.

На *первом этапе* в обществе происходит осознание кризисного состояния. Власть принимает отдельные меры для его разрешения, как правило, это «реформы внутри системы».

На *втором этапе* приходит осознание национального масштаба кризиса. Властные структуры вырабатывают отношение к нему и пути выхода из него, принимают программу реформ и начинают создание правовой основы новой системы. Появляется лидер-реформатор. Возникает «очаг» нового общества в качестве наглядного примера для основной части населения.

Третий этап — самый длительный и сложный. Власть осуществляет планомерные и целенаправленные преобразования в экономической и социальной сферах. Инструментом власти служит бюрократия, социальной опорой — новые общественные силы, заинтересованные в успехе модернизации. По мере переустройства национального хозяйства на принципиально новых технологических и социальных основах происходит качественная трансформация системы.

На *четвертом этапе* модернизации политическая жизнь и политическая система общества приводятся в соответствие с изменившейся социальной структурой. Таким образом, общество обретает органичную целостность в новом качестве.

Предложенный механизм реформирования нейтрален ценностно и, теоретически, может быть использован в любое время в любом обществе. Однако эффективность его определяется не только рациональными соображениями, но и вполне нерациональными, относящимися к духовной, а не материальной природе человека, — человек есть главный субъект и объект общественного развития.

Нельзя согласиться с мнением М. Делягина о том, что «для развития человечества не нужна ни справедливость (которой для истории просто не существует), ни эффективность, остающаяся для большинства человеческих объединений недостижимой» [10, с. 22]. Степень достижения второго (всегда условного) показателя определяется конкретными условиями, а весь путь всемирной истории и есть путь к *справедливости* как *абсолютной ценности*. Эта цель недостижима на земле, трансцендентна, поэтому в ходе развития по западной модели с ее приматом принципа *ratio* принцип справедливости был размыт, девальвирован. Но он присущ человеческому сознанию изначально и до конца. Во всяком случае, именно этот принцип был положен в основу формирования капиталистической (современной, индустриальной) формации,

отсчет которой идет от начала Великой французской революции в 1789 г. Правда, И. Валлерстайн, рассматривая либерализм как «глобальную идеологию» новой формации, считал, что в 1989 г. эта «политико-культурная эпоха», «эпоха впечатляющих технических свершений» завершилась, но конец эпохи еще не означает изменения природы человека. Сам же И. Валлерстайн в основу предлагаемой миру «программы целесообразного социального и политического действия в следующие 20—50 лет» кладет принцип справедливости [6, с. 248—251].

В настоящее время с началом «всемирного переходного периода» (И. Валлерстайн) возникли новые задачи, выходящие за рамки формационной структуры, а значит, нужны новые подходы, не отменяющие, но дополняющие известные. В современных условиях, когда появляется неведомая ранее задача приспособления человеческого общества к небывалым условиям существования, а испытанный рациональный (научный) метод не срабатывает, и на Западе, и на Востоке обращаются к трансцендентному подходу как оптимальному. Это значит, что принцип справедливости, хотя бы и по-разному понимаемый различными субъектами исторического процесса, становится действенным.

5

Качественно новыми элементами постсовременной модернизации становятся два фактора: глобализация и культура.

Глобализация в сфере экономики означает не только облегчение перемещения потоков товаров, сырья и денег по всему миру, но и возрастание взаимозависимости отдельных частей мирового хозяйства. На основе современных (компьютерных) технологий и качественно более высокой степени конкуренции страновых и региональных экономик возникла новая мир-система. Глобализация в сфере политики порождает возрастание степени потенциальных угроз со стороны не только национальных государств, чья роль в конкурентном противостоянии сохранится, но и со стороны разнообразных страновых и региональных сетевых структур сопротивления втягиванию в единое финансово-экономико-политико-культурное пространство.

Альтернативой глобализации является замкнутость определенной общественной системы, но поскольку такая система нарушает свое равновесие в мире, это ведет к ее неустойчивости, ослаблению, кризису. Таким образом, процесс глобализации всеохватен и неизбежен, так как способствует сохранению устойчивости в мире и отдельных обществах как частях взаимосвязанной и сбалансированной мировой системы.

Противоречивость глобализации видна в разнонаправленности равных тенденций к интеграции и, напротив, к расхождению частей некогда единого мира по критериям не только экономическим и политическим, но культурным и информационно-технологическим. В связи с этим перед проведением коренных реформ власти следует определиться в отношении двух названных тенденций.

Возрастание роли *культуры* в общественной жизни мира стало очевидностью уже в конце XX в. При всей видимой важности новой техники и новых технологий не стоит забывать, что до них тоже были новая техника и технологии, вполне удовлетворявшие людей в свое время. Техника и технологии стали, очевидно, системообразующими элементами Нового и Новейшего времени (современного общества, капиталистической формации). Но технический прогресс неудержимо ведет к постоянному усовершенствованию и обновлению этих элементов, в результате чего последующие, как правило, отменяют предыдущие. Идеология прогресса утверждает, что «сегодня» всегда лучше, чем «вчера», а «завтра» лучше, чем «сегодня», и в технике, и в культуре.

Либерализм требует все более однородного рынка, а следовательно — отказа от разнообразия форм жизни и подавления коллективной идентичности, заменяя их универсальной массовой культурой, хорошей уже потому, что она всегда *новая*. Нивелирование культур ведет к потере идентичности. Жители стран Западной Европы лишь по мере осознания вызова инородных культур эмигрантов в конце XX в. открывали для себя проблему самоидентификации, своей былой принадлежности к христианской цивилизации. Возможно, именно культура, Традиция, верность своим цивилизационным ценностям приобретают качества системообразующего элемента в процессе формирования новой формации, новой общественной системы.

Культура — это элементы, не только присущие определенной цивилизации, но и общие для большинства цивилизаций — системы ценностей, сходные практически во всех мировых религиях. Культура — это и порождение индустриальной формации в виде «массовой», профанной «культуры толпы» и в виде «контркультуры», отрицающей все богатства творческой деятельности человечества. Культура — это различные средства массовой информации и коммуникаций, очевидно влияющие на сознание людей, что создает возможности как направления общественного сознания, так и манипулирования им.

Названные факторы необходимо принимать в расчет при проведении модернизации в силу их значимости, ведь кризис западной модели развития порожден не только сокращением ресурсной

базы индустриальной экономики, но и исчерпанностью идейной базы капиталистического строя — стремления к наживе как основе деятельности, потреблению как основе существования, главенству частной собственности как основе хозяйствования. Это кризис не только постиндустриального, но и постхристианского общества.

Действительно, финансовый кризис 2008—2009 гг. едва ли был вызван лишь несовершенством механизмов контроля деятельности финансовых институтов или просто ошибками в работе финансовых организаций. «Наивно думать, что дельцы с Уолл-стрит не знали, что они творят, или просто делали ошибки в расчетах по неграмотности, — писал О. Виханский. — Ничего подобного. Туда не берут без прекрасного финансового образования. Там все очень способные люди. Просто они умеют делать большие деньги из ничего, как они сами выражаются, из воздуха, и считают это своей миссией. *И проблемы у них не со знаниями или квалификацией, а с моралью и деловой этикой* (курсив наш. — А.Я.)» [8, с. 57].

В середине прошлого века К. Поланьи резко осуждал «веру в экономический детерминизм». В 1947 г. он писал, что «основная трудность преодоления проблем индустриальной цивилизации коренится в интеллектуальном и эмоциональном наследии рыночной экономики, этой фазы машинной цивилизации XIX в., стремительно исчезающей на большей части планеты. Ее ядовитое наследие — вера в экономический детерминизм» [18, с. 23]. Рыночная (капиталистическая) экономика — «не более чем эпизод», — утверждал К. Поланьи. «В истории человеческой цивилизации невозможно найти человека, действия которого направлены были бы на обеспечение индивидуального интереса в получении материальных благ, а, скорее всего, столкнемся с тем, что его действия направлены на обеспечение его социального положения, его социальных притязаний, его социальных активов. Он ценит материальные блага преимущественно как средство для достижения этой цели. Экономика человека, как правило, отражает его социальные взаимоотношения» [18, с. 25].

В связи с этим на Западе следует ожидать либо сохранения либеральных принципов индустриального общества, что рано или поздно приведет к краху системы, либо возвращения к его исконным цивилизационным ценностям. Многое будет зависеть от того, какую позицию займет государство в определении целей и задач модернизации, какую систему ценностей выберет общество.

Такой выбор для незападных обществ намного проще в силу неизжитой верности Традиции, ведь в ходе длительной вестернизации Востока в XX в. ему под видом универсальных навязывались ценности этноцентричные, западноевропейские, которые либо от-

вергались, либо сосуществовали с традиционными, но не заменяли их. Иными словами, со сменой характера социально-экономических отношений Запада и Востока должно измениться и соотношение их систем ценностей.

Важность культуры в процессе модернизации Востока возрастает в связи с мощью тотального наступления универсальной массовой культуры по всему миру, тем более — в условиях переходности от одной формации к другой. Представляется верным утверждение М.Г. Делягина о том, что «культура как совокупность систем ценностей, стереотипов мышления и поведения, свойственных данному обществу, — ключевой элемент его устойчивости» [10, с. 65]. И смена формационных установок, естественно расшатывающая старый порядок, может затрагивать и более глубокую структуру — цивилизационную, которая собственно и позволяет обществу сохранить свое основание в виде целостной совокупности параметров — языка, веры, истории, определенных систем ценностей, норм поведения и морали. Если перемены затрагивают не только формационные параметры — экономический строй, производительные силы, политический строй, социальный порядок, — но и глубинные основы общества, оно подвергается риску исчезновения. Так исчезла античная цивилизация, на грани исчезновения оказались общества во Франции в эпоху Великой революции и в России в эпоху Октябрьской революции.

На данном этапе сложно предсказать, какая система ценностей будет выбрана западным обществом и не распространится ли процесс регионализации мир-системы, как в сферах экономики и политики, на сферы культуры и духовной жизни. Можно лишь предположить, что на четвертом этапе постсовременной модернизации господство экстровеертной европейской культуры останется в прошлом, а ей на смену придет принцип интравертности восточных (незападных) культур. У человека есть потребность в удовлетворении не только физических нужд и разнообразных желаний, но и в осознании смысла своей жизни и деятельности, потребность в самооправдании. Духовную природу человека уничтожить трудно, как показал весь опыт жестокого XX в.

В 1995 г. И. Валлерстайн писал: «сейчас мы живем в мире, где либеральные ценности уже не являются более господствующими <...> Время заносчиво-самоуверенной либеральной идеологии ушло в прошлое» [6, с. 11]. Но вывод американского социолога можно расширить: закончилось время господства идеологий, которые с эпохи Великой французской революции определяли характер общественной системы. Они сохранятся, потому что выражают мировоззрение определенных социальных общностей, но вернется преобладание традиционных систем ценностей, основанных не на

абстрактных идеях, а на началах определенных цивилизаций и религий. Это парадоксальное следствие модернизации — возрождение Традиции — стало очевидным в ходе коренных преобразований в странах Востока во второй половине XX в., но его проявления мы видим и в христианских странах.

Яркими примерами этой тенденции стали усиление в странах Арабского Востока верности традиционным религиозным и социальным отношениям при спокойном усвоении новейших технологий Запада. Ислам при поддержке государства остается системообразующим элементом в общественной жизни. Показательно, что молодой президент Сирии Б. Асад в 2003 г. разрешил солдатам молиться в казармах. Те же явления видны в сфере культуры в Саудовской Аравии. Например, как отмечала В. Кирпиченко, «опора на арабское культурное наследие, в том числе на народные предания, легенды, мифы, — характерная черта современного модернистского романа во всех арабских странах. Обращаются к наследию своего народа и саудовские романисты, — решая различные творческие задачи — как сохранения для будущих поколений нравственных ценностей предков, так и обличения сохраняющихся средневековых форм сознания и условий жизни» [12, с. 250]. Вместе с тем в начале 2010 г. в одном из эмиратов ОАЭ — Шардже в качестве формы оплаты за проезд в автобусе стали повсеместно использовать кредитные карточки (Gulf News, 23.12.2009).

Очевидно, что неотъемлемой и обязательной частью общего процесса модернизации и на Востоке, и на Западе станет самоидентификация на уровнях личности, различных общностей и общества в целом на основе имеющихся систем ценностей, принятия или отвержения культуры Модерна/Постмодерна или, напротив, своей Традиции/цивилизации. Для государства возможности регулирования этого процесса более сложны и менее результативны, чем контроль социально-экономической сферы, поэтому, вероятно, возрастет роль различных общественных институтов.

Нельзя исключить постепенного «ослабления экономики как базиса общественного устройства, — писал О. Виханский. — Ее заменят образование и научно-техническая составляющая. И основными показателями станут результаты развития образовательной системы и научно-технического потенциала общества <...> новое общество будет обществом комплексных социально ориентированных объединений, основанных на интеллектуальной деятельности, тесно интегрированной с образовательным процессом» [8, с. 60].

Такой характер развития тем более вероятен, что стало очевидным фактом возрастание роли и мощи стран БРИК наряду с иными бурно развивающимися постиндустриальными экономиками Востока. Все эти страны при проведении модернизации не отказались

от своего цивилизационного наследия, частью которого является главенство духовных начал над материальными. Сохранение ими основ своей самобытности дает им возможность повлиять на процесс формирования новой модели развития для смены мест системообразующих элементов будущего общества. Ф. Закария, характеризуя «постамериканский мир будущего», писал о «завершении эпохи доминирования США» и о том, что Китай «уже давно предлагает модель развития, альтернативную американской», на которую «все больше будут ориентироваться развивающиеся государства» [11, с. 17, 18]. Материальное начало вернется на подчиненное положение по отношению к началу духовному, как это было до капиталистической эпохи и в Западной Европе, и основы общественного развития примут такой вид: государство — общество — религия — культура — экономика.

Вместе с тем было бы странно игнорировать огромные *массивы бедности* в мире, имеющие к тому же очевидную тенденцию к своему устойчивому воспроизведению. Большая часть африканских стран, значительная часть населения Индии, Бангладеш и Пакистана существуют за «порогом бедности». По мере сокращения земельных угодий и водных ресурсов в ближайшие 10—15 лет само их существование может оказаться под вопросом. Что может дать им постсовременная модернизация? Увы, немного: облегчить возможности выживания.

К концу XX в. произошел распад некогда единого «третьего мира» на «второй—третий» и «третий—четвертый» по социально-экономическим и технологическим показателям. Несколько стран Востока — Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Сингапур — достигли уровня развитых стран Запада, в то время как Йемен, Афганистан, Непал, Бангладеш остались на доиндустриальной, досовременной ступени. Судя по всему, процесс этот необратим. Но подобный процесс дифференциации происходит и внутри нескольких крупных стран, прежде всего Китая и Индии, где нарастает поляризация общностей досовременных и постсовременных.

Вероятно, в глобализованном мире процесс модернизации пройдет в ряде случаев поверх национально-государственных границ, втягивая в свой поток лишь часть общественно-производственного организма, в то время как иная часть сохранит прежнее, досовременное качество. Результатом такого процесса в национально-государственных границах станет не *синтез* Современности и Традиции, а ее *симбиоз* (или отторжение). Такой же критерий — включение в постсовременность — будет применен и к миру в целом, и те страны и народы, которые не успеют «вскочить на поезд современности», опустятся на «дно» постсовременного мира.

Реальность такой перспективы тем более важна, что в конце XX в. был совершен не просто количественный, но качественный рывок в технологиях, что позволило создать всемирную коммуникационную сеть и получить возможность нового информационного измерения жизни общества. В дополнение к привычному «первому миру» природы человек создал технический «второй мир» — «вторую природу», а теперь и технологический «третий мир» — «третью природу», еще более отделяющую его от естественной реальности и влияющую на личность самим характером небывало возросшей интенсивности человеческих коммуникаций.

«Роль знаний в создании богатства неизменно возрастает и сейчас готовится подняться на гораздо более высокий уровень, преодолеть все мыслимые преграды по мере того, как все больше и больше стран мира подключаются к глобальному мозговому банку» [24, с. 6], — победоносно утверждал Э. Тоффлер в 2006 г. Но цель этого «революционного богатства» все та же: создание «новых потребностей и на их основе возникновение прежде не существовавших секторов и производств — например, индустрии синхронизации или индустрии преодоления одиночества» [24, с. 16]. Иными словами, «людей беспокоит <...> что вообще будет с их кошелеком?» — уверен Э. Тоффлер [24, с. 15]. Между тем именно редукция человека до механического потребителя материальных и иных продуктов привела капиталистическую систему к кризису, важным элементом которого является кризис рационального мышления.

С. Переслегин предлагает концепцию «нелинейного взаимодействия человека с информационным пространством — распаковке смыслов» [см.: 15, с. 36], основываясь на идеях С. Лема, который еще в 1967 г. в своей работе «Сумма технологии», по сути, поставил под сомнение принцип рационализма как решающий в процессе развития технологий и технологической эволюции человека и задался вопросом: быть может, существует иной, нетехнологический путь развития цивилизации? [15, с. 34—36]. В наше время исчерпанности одной модели развития и определения параметров иной модели постановка такого вопроса, видимо, является и разумной, и продуктивной.

О новом качестве формирующейся общественной системы свидетельствуют большие успехи в развитии нескольких технологических направлений: телекоммуникаций, нанотехнологий, биотехнологий, искусственного интеллекта и рационального природопользования. Уже сейчас понятно, что широкое использование продукции этих технологий не только создаст новые «рыночные ниши», но и инициирует «формирование новых политических

и культурных механизмов» в обществе, а это может привести к «выходу из пространства индустриальных смыслов и ценностей» [17, с. 7, 17].

Одной из причин неудачи может стать попытка использовать универсальную модель нового строя (новой формации). В нынешнее время небывалой ранее степени взаимозависимости человека и экологических систем, с одной стороны, и возрастания культурных (цивилизационных) факторов развития — с другой, принцип универсализма просто опасен. Если в XIX—XX вв. при осуществлении модернизации власть проводила реформы, исходя из целей формационных, то сейчас, видимо, приоритеты сменятся. Главной целью для государства и общества станет достижение стабильного состояния ради сохранения своей цивилизационной идентичности и равновесия между экономическим развитием и окружающей средой. Для функционирования общества будут иметь большее значение не прибыль или контроль над территориями, а дух, вера, знание, чувство, интуиция, опыт.

Можно предположить, что при сохраняющейся пока авангардной роли стран «золотого миллиарда» во главе с США попытки формирования новой модели постиндустриального общества предпримут Китай и страны Восточной Азии, Бразилия и страны Латинской Америки, а также, возможно, Россия. Причем сам по себе «растущий экономический вес Китая в глобальной политической экономике, — по мнению Дж. Арриги, — не гарантирует появления мирового рыночного общества, основанного на взаимном уважении мировых культур и цивилизаций...». Для достижения этой цели необходимо создать «радикально иную модель развития, которая, среди прочего, является социально и экологически жизнеспособной и которая предлагает глобальному Югу более равноправную альтернативу сохраняющемуся господству Запада» [3, с. 49, 50]. Тем самым будет покончено с главенством принципа универсализма, с признанием в качестве нормативной и обязательной одной модели развития — западной, европейской.

Альтернативой модернизации господствующей в настоящее время в мире общественной системы остается впадение в мировой хаос, выходом из которого станет эскалация насилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арриги Дж.* Государство, рынки и капитализм: Восток и Запад // Прогнозис. 2007. № 4. С. 24—49.
2. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век. М., 2009.
3. *Арриги Дж.* Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. 2009. № 1. С. 34—50.

4. *Бенуа де А.* Против либерализма: к четвертой политической теории. М., 2009.
5. *Бьюкенен П.* На краю гибели. М., 2007.
6. *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003.
7. *Валлерстайн И.* Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис. 2008. № 2. С. 3—56.
8. *Виханский О.* Ното есопотісис должен умереть // Эксперт. 2009. № 17—18. С. 56—60.
9. *Давыдов В.* Пробуждающиеся гиганты БРИК // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 131—142.
10. *Делягин М.* Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М., 2008.
11. *Закария Ф.* Постамериканский мир. М., 2009.
12. *Кирпиченко В.* Роман в Саудовской Аравии // За дюнами. Антология современной саудовской литературы. М., 2009. С. 248—330.
13. *Кляйн Н.* Доктрина шока. М., 2009.
14. *Кругман П.* Великая ложь: сбиваясь с пути на рубеже нового века. М., 2004.
15. *Лем С.* Сумма технологии. М.; СПб., 2006.
16. «Неизвестный» Патриарх Кирилл. М., 2009.
17. *Переслегин С.* Новые карты будущего, или Анти-РЭНД. М., 2009.
18. *Поланьи К.* Избранные работы. М., 2010.
19. *Русаков А.* Социальные конфликты постиндустриального общества // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 97—106.
20. *Сол Дж.Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2006.
21. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008.
22. *Сухачев В.Ю.* История и темпоральность, или некоторые размышления по поводу «конца эпохи модерна» // Лукач Дж. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. СПб., 2003. С. 244—254.
23. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 2002.
24. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М., 2007.
25. *Фридман М.* Капитализм и свобода. М., 2005.
26. *Хантингтон С.* Трудности... привыкания // Свободная мысль. 2005. № 4. С. 12—26.
27. Цивилизации в глобализирующемся мире. М., 2009.
28. *Шапиро Р.* Прогноз на будущее. М., 2009.
29. *Яковлев А.И.* Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX—XX веках. М., 2010.